

УДК 130.2

UDC 130.2

**ДИНАМИКА ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В
СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ**

**DYNAMICS OF THE IMPERIOUS RELATIONS
IN MODERN SOCIETY: A PHILOSOPHICAL
ANALYSIS**

Васильева Анна Сергеевна
старший преподаватель кафедры философии
*Кубанский Государственный Аграрный Университет,
Краснодар, Россия*

Vasiljeva Anna Sergeevna
senior lecturer
Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Статья посвящена исследованию динамики развития властных механизмов в современном мире. Глобализация и современные возможности коммуникации изменили структуру власти и ее методы. Власть скрывается под мнимой свободой. Тоталитарные тенденции спрятаны под свободой выбора. Однако развиваются и новые типы отношений, выходящие за границы иерархических отношений

The article is devoted to the study of dynamics of development of power mechanisms in the modern world. Globalization and modern means of communication changed the power structure and its methods. Power is hidden under the imaginary freedom. Totalitarian trends are hidden under the freedom of choice. However, new types of relations are developing, beyond the boundaries of hierarchical relationships

Ключевые слова: ВЛАСТЬ, СВОБОДА, ОБЩЕСТВО, ПРОГРЕСС, КЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ, ПОСТМОДЕРНИЗМ, ИНФОРМАЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ

Keywords: POWER, LIBERTY, SOCIETY, PROGRESS, CLASSICAL MODEL, NONCLASSICAL MODEL, POSTNONCLASSICAL MODEL, POSTMODERNISM, INFORMATION, COMMUNICATION

Усложнение социальной жизни, связанное с распространением многообразия ролевых типов, целей, идеалов, видов общественно-политической активности, технико-технологические достижения наталкивают на необходимость решить такие задачи как выявление сущности власти, уточнение ее инструментов воздействия, обнаружение способов противостояния насилию и манипулированию. Западноевропейское и российское общества в последние 250 – 300 лет претерпевают глобальные изменения, опирающиеся на осмысление человеком своего места в новом мире. Основной тенденцией в духовно-правовой культуре стало стремление к свободе. В связи с этим появляется необходимость в различении в современном пространстве культуры властных отношений, механизмов власти и их динамики, так как цивилизация нуждается в решении ряда социальных проблем, а также задач экзистенциального плана, позволяющих человека обнаружить свое место в бытии.

Идея свободы встроена в просвещенческую парадигму, связанную представлением об эволюции природы и прогрессе культуры: «Современные

представления о правах человека впитывают интеллектуальный и политический опыт человечества, связанный с преодолением фашизма и тоталитаризма, разнообразных форм насилия и эксплуатации. «Права и свободы» являются сердцем современных демократий. А свобода совести является центральным понятием гражданских свобод. Свобода верить, мыслить, знать является итогом политических конфликтов, социальных потрясений и религиозных войн, неотъемлемой частью истории становления демократии Запада» [4, С. 7]. Европоориентированные культуры прошли несколько стадий становления, для которых характерны определенные модели мирозерцания. Классическая модель является парадигмальным следствием новоевропейской культуры. Ее определяет установка на приоритет Разума над иными формами жизни. Космос представляется как целостная, упорядоченная система. В отличие от античной модели, новоевропейская классика связана с активной преобразовательной деятельностью материальной, природной среды человека, что делает ее модернистской. Классическая установка на прогрессизм аутентична современной парадигме усовершенствования власти от принципов классического разграничения субъекта и объекта власти к принципу солидаризма, которые в своих гуманистических формах выражает конвенциональность общественной деятельности, отрицая отношения господства-подчинения. Именно таким образом власть модернизируется, формируя этические аспекты властных отношений. Данная тенденция стала особенно актуальной в конце XIX – начале XX вв. в связи с кризисом классической рациональности и позитивизма.

Неклассическая модель культуры связала себя с интересом к отдельному человеку и его потребностям. Индивидуальное, неповторимое, уникальное стали источниками и проблемами, - наряду с познанием типичного, - неклассического исследования. Неклассическая модель рассматривает мир как «саморегулирующуюся повседневность», поэтому общественное и культурное бытие могут развиваться благодаря диалогу. Власть в таких

условиях также приобретает характер диалога и предстает в качестве культурного феномена, как свойство общественных отношений и их символического выражения. Неклассической парадигме характерна субъектоориентированность власти, которая рождает и особенные механизмы воздействия на человека, управлять которым можно только в условиях стандартизации каждого индивидуума. Данной тенденции противостоит гуманистическая позиция, направленная на раскрытие индивидуальных творческих способностей человека. Таким образом, формируется представление о взаимодействии власти, коммуникации и культуры.

Мировые войны, тоталитарные режимы XX века, опасные техника и технология, еще раз человека поставили лицом к лицу с абсурдом, с иррациональностью бытия, несостоятельностью науки и власти. Неклассическая парадигма в условиях социально-культурных кризисов середины XX века сменяется постнеклассической, или постмодернистской, программой, которая зиждется на поливариантной, фрагментарной картине мира. Постмодернистская модель существует как глобальная, но ни как универсальная система. «Постмодернизм – это радикальный и положительно оцениваемый культурный плюрализм и толерантность; мобилизация культурного потенциала предшествующих эпох и иных культур; «равноправие» познавательных парадигм и стилей мышления, признание их самоценности; преодоление «границ» между элитарной и массовой культурами на основе плюрализма языков; многообразие, несоизмеримость и диверсивность интертекстуальных «языковых игр»; двойное кодирование тестов культуры; культурная автономия субъекта познания, «производство» социальной реальности, конвенциональность знания» [7, С. 42]. Философы-постмодернисты обращают внимание на диффузность власти, что позволяет каждому участнику социальных отношений осуществлять воздействие на процесс жизнедеятельности всего сообщества. Однако в сложной, запутанной сети современных отношений человек легко теряет ориентиры, об-

наруживая нейтральность ценностей. Культура является текстом и представлена разнообразными нарративами, которым соответствует определенная логика языка. Она как символическая реальность, может быть подвергнута деконструкции. Соответственно, власть также в своих классических иерархических формах может быть деконструирована в сторону равноправных дискурсов. Поэтому власть предстает в качестве сконструированного человеческой субъективностью, вписанного в культуру, феномена.

Постнеклассическая парадигма выразила столкновение культурных дискурсов в глобализирующемся мире, характерными чертами которого стали технизация и развитие информационных технологий. Власть в таких условиях может применять достижения цивилизации, делая себя «невидимой», незаметной для участников отношений. Представление о мироздании лишается универсальных *общечеловеческих* культурных ценностей, позволяющих развиваться человечеству в глобальном мире по пути созидания и взаимодействия. Однако сторонники сетевого анализа считают, что в условиях дезинтегрированности системы может повышаться удовлетворенность отдельной личности.

Для постнеклассической программы характерно осмысление человеком своей свободной сущности, положения в космосе в качестве существа, которое обладает способностью выходить за рамки всеобщей необходимости, требований культуры и общества. Человек современности пытается освободиться от всякого рода репрессивных мер, которые применяются к нему различными институтами – от государства до семьи, - а также, в процессе неформальных отношений. Таким образом, формируется широкий спектр способов борьбы с несвободой и властью, где учитываются психологические, культурные особенности, социальный и политический статусы участников взаимодействия.

Постмодернистская модель характеризуется индивидуалистически-релятивистским стилем мышления, который не позволяет конструировать

целостную картину мира в условиях неоглобалистских тенденций в общемировой культуре. В связи с этим встает вопрос о необходимости создания универсальной картины, которая представляет бытие как «единство в многообразии, когда мир взвешивается ценностями, антиаксиологизм или узкий формально-рациональный аксиологизм чреват катастрофой» [5, С. 308]. В основу данной модели легла синергетическая методология, рассматривающая бытие и протекающие в нем процессы как самоорганизующуюся систему, где становление имеет преимущество перед проблемой бытия. Неклассическая программа породила идею нелинейного развития, где случайность играет конструктивную роль в становлении, которое связано как с прогрессивными, так и регрессивными элементами; «избирательные, чувствительные к собственной истории, адаптационные механизмы порождения этих рядов носят нелинейный характер» [5, С. 298].

Современность окрасилась глобальными экономическими системами, культурной экспансией Западной цивилизации. Глобализационные процессы в истории культуры и цивилизации человечества происходили постоянно. Военные походы, торговля способствовали культурному обмену, взаимодействию разнообразных форм власти, критическое различие которых в древнем мире связано с восточным и западным типом отношений. Современная глобализация власти связана с развитием техники и технологии, позволяющей создавать, хранить и распространять определенный тип информации. Культурная глобализация идет, в первую очередь, со стороны Америки, Европы и Великобритании. Капиталистические отношения, зародившиеся в горниле западноевропейской экономики, породили новый тип человека, стандарты которого довольно стремительно распространялись на другие страны.

Информация полагает возможность не использовать физическую угрозу, а применять методики, направленные на формирование потребностей, целей и установок подчиненного. Таким образом, современная власть

стремится создать условия, которые определяют «свободный» выбор человека. Такое положение вещей стало возможно благодаря интенсивному развитию техники и накоплению технологий в послевоенный период (Вторая Мировая война). Знание рождает новое знание. Чем больше известных элементов, тем больше комбинаций, «технология подпитывает сама себя» [9, С. 23]. В данных условиях сеть позволяет взаимодействовать различными частями системы. «Сеть – полимагистральная структура, в которой две точки всегда связываются множеством магистралей, а каждая магистраль состоит из множества отрезков и путей» [8, С. 63].

Предвещая появление новых властных технологий во второй половине XX века в Европе и Америке, произошел ряд восстаний, которые были инициированные либертарианскими идеями. «Новые левые» выступили с резким неприятием капиталистического мира, буржуазного образа жизни, буржуазности как таковой. Они критиковали расширение использования технических средств, так как сам по себе технический прогресс не означает расширения свободы человека, нового качества жизни. Рассмотрение общества сквозь призму достижений и последствий научно-технической революции выявляло наглядно, что технический прогресс не только не уменьшил степени отчуждения человека, но в определенных сферах усилил его, хотя форма проявления его стала более завуалированной. Опираясь на марксистское понятие отчуждения, субъектом действия либертарии поставили «аутсайдера», так как марксовый пролетарий, получив некоторые блага прогресса, перестал быть ферментом революции. Пролетарий стал мнить себя свободным, ведь теперь он обладает «демократическими» свободами: право на образование, на участие в выборах, на жизнь и т.д. При этом рабочий становится рабом общества потребления, массовой культуры, «общества спектакля». С помощью средств массовой информации в сознание трудящихся проецируются ложные потребности, которые формируют человека с иными интенциями. Пролетариат приобрел новую

роль, совершенно противоположную той, о которой писали Маркс и Энгельс, теперь это не класс-борец, а класс – фундамент существующей системы, ее культуры. Теперь *маргинал* творит бунт. Репрессивность цивилизации состоит в том, по мысли идеологов «красного мая», что, накапливая материальные блага, она плодит скуку и равнодушие, закрывает дорогу проявлению «естественных инстинктов», ведь они, высвобождаясь, разрушают ее основы. Здесь сплетается сексуальное и политическое. Свобода «новых левых» отличается от ее стоического понимания, она проявляется как духовная, как свобода от «оков», но и как свобода от запретов на проявление телесных потребностей.

Власть в современном информационном обществе рассеяна и исходит из точек отчета различных систем координат, полагая взаимодействие, организуемое в свободную систему. В таком случае, можно говорить о реализации проекта Ю. Хабермаса. В нем исследователь предлагал коммуникационную систему общественных отношений, которые представляют собой взаимодействие между развитыми, свободными субъектами. Власть, таким образом, распределяется между всеми членами отношений.

Глобальная власть обычно подразумевает тотальный контроль, который может и не осознаваться подчиненными, а может иметь вид открытой тирании, или, тоталитарного государства: «Информационное общество позволяет власти стать глобальной, потому что изменяет и активизирует различные формы воздействия, которые позволяют сохранять отношения власти. Сегодня власть приобретает диффузный характер, создавая иллюзию свободы для участников отношений. С помощью современных всепроникающих технологий распространения информации, власть обретает возможность организовывать большие массы людей» [2, С. 131]. Глобальность подразумевает масштабность и безоговорочность. На наш взгляд глобальность власти в информационном обществе предполагает два варианта развития. Первый сценарий связан с единым центром власти, которая,

имея контроль над источниками информации и создавая «ситуацию неопределенности» вокруг институтов управления, который скрыт от участников отношений. Таким образом, глобальность власти строится на ее способности использовать информацию для конструирования условий, в которых человек совершает уже определенный властвующим выбор. В данный сценарий входят и разнообразные теории «мирового заговора». Однако существует и иной сценарий, подразумевающий распространение властных центров. Исследователь Д. Ронг называет такой тип власти «интеркурсивным». Интеркурсивная власть представляет собой перманентный процесс переговоров и взаимоограничений между участниками отношений. В связи с этим, глобальность власти выражается в возможностях обладать властью наибольшему количеству участников общественных отношений. Таким образом, глобальность власти – это глобальность свободы, где власть каждого, есть свобода всех. Второй сценарий предполагает не неолиберальную программу, а социальную программу развития общественных отношений, где общество и человек будут основными составляющими уравнения жизни. Первый тип развития власти грозит новыми тираниями. Тиранию сопоставляют со способом реализации государственной власти, «...в силу которой человек властвует над людьми себе подобными и свободными» [1, С. 452].

В эпоху глобального мира, где «правовые определения тяготеют к воплощению единого наднационального образа политической власти» [10, С. 24], массовой культуры и общества потребления меняются ориентиры общественного развития. Естественно довольно сложно оценить современную ситуацию, выявляя, в чьих же целях формируется современная политика: единоличных правителей, олигархов, избранных, народа в целом.

Демократические ценности, гражданская политическая культура, терпимость и другие составляющие правового общества не могут быть экспортированы, они должны вызреть, сформироваться в недрах самого обще-

ства. Принцип когда «сильный всегда прав», не должен одобряться современной моралью [3, С. 71]. Власть, применяя информационные технологии, может быть очень изощренной и опасной. Однако само становление человека зависит как от внешней среды, так и от становления самой личности, поэтому манипуляция, которую использует власть, является и частью воспитания и социализации личности человека.

С. Г. Кара-Мурза, опираясь на идею развития культуры индивидуализма в современном мире, обращает внимание на атомизацию человека в общественной системе западной цивилизации. В связи с данными процессами, указывает исследователь, происходит замена «традиций, моральных норм и табу ощущением свободы. Но такая свобода, которая делает человека беззащитным перед внедряемыми в его сознание доктринами. И чем более “научную” оболочку принимают эти доктрины, тем беззащитнее человек» [6].

Зависимость становления и формирования личности отдельного человеческого индивида, его желаний, намерений, целей, установок, от внешней действительности очевидна. Значительное воздействие на становление человека оказывает социальное бытие, культура. На примере творчества Р. Барта можно проследить эволюцию представлений о роли власти в жизни отдельного индивида и общества в связи с вопросом о формировании целей, желаний и даже представлений о мире. Человек живет и ощущает, действует, ограниченный языком, его возможностями. Власть языка над человеком определяется возможностями манипулировать его сознанием. Однако язык освобождает человека, расширяя границы постижения мира. В связи с данной тенденцией можно говорить о втором варианте развития властных отношений, которые имеют яркий коммуникационный окрас.

В современной европоцентристской культуре сформировался принцип самостоятельности и творческой активности, что выражает стремление общественной системы расщепить центры власти. Творчество играет важ-

ную роль в этом процессе. Власть над своим сознанием, над своим телом и над окружающими предметами – одна из основных антропологических проблем. Творчество в данном случае выступает как феномен ответственности человека за свою, социальную в первую очередь, жизнь.

Современные возможности коммуникации, индивидуализация человека, укрепление границ его личности, развитие идей гуманизма, установка на творческую самореализацию позволяют формироваться экологии общества, благодаря которой человечество, несмотря на все сложности, которые возникают в современной глобальной реальности, формирует новое пространство ценностей, в которых власть ориентируется на значимость человеческой личности и новых возможностей ее свободы.

Список литературы:

1. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 1997. - 1456 с.: ил. С. 452;
2. Васильева А. С. Глобальность власти в информационном обществе / Материалы научно-практической конференции «Информационные технологии в самореализации личности». – Краснодар, 2012. С. 131-137, С. 131;
3. Данилова М. И. Истоки идеологии террора // Борьба с терроризмом: идеология проблемы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Армавир, 29-30 апреля, 2011 г.) – 343 с., С. 67-72;
4. Данилова М.И. «Права и свободы» как достижение человечества // Права человека в России и за рубежом. Материалы II Международной научно-практической конференции. Изд. «Академия МНЭПУ», М., 2009, 312 с., С. 7-15;
5. Ильин В. В. Философия науки: учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 308;
6. Кара-Мурза С. Г. Наука и кризис цивилизации / <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000697/index.shtml> (Возможны небольшие расхождения этого текста с журнальным вариантом - Вопросы философии, 1990, № 9. С. 3-15);
7. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация (социально-философское исследование). 09.00.01. Автореферат дис... док. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 42;
8. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии, № 7, 2008. с. 61-75, С. 63;
9. Тоффлер А. Футуршок / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 23;
10. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. С. 24;
11. Данилова М. И. Истоки идеологии террора // Борьба с терроризмом: идеология проблемы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Армавир, 29-30 апреля, 2011 г.) – 343 с.

References

1. Big encyclopedic dictionary. – 2nd ed., revised and suppl. – M: "The Big Russian Encyclopedia"; SPb. : "Norint", 1997. - 1456 pages: illust. P. 452;
2. Vasilieva A. S. Global power in the information society / Materials of the scientific-practical conference «Informational technologies in realization of a personality». - Krasnodar, 2012. P. 131-137;
3. Danilova M. I. Origins of the ideology of terror // Combating terrorism: the ideology of the problem. Materials of scientifically-practical conference (, Armavir, 29-30 April, 2011) - 343 p. P. 67-72;
4. Danilova M.I. «Rights and freedoms» as achievement of mankind // human Rights in Russia and abroad. Materials of II International scientific-practical conference. Ed. «Academy International independent Ecology and political science University», M., 2009, 312 p., P. 7-15;
5. Ilyin V. V. Philosophy of science: a textbook. - M.: Publisher MSU, 2003. P. 308;
6. Kara-Murza. G. Science and the crisis of civilization / <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000697/index.shtml> (There may be some differences of this text with a journals option. Questions of philosophy, 1990, № 9., p. 3-15);
7. Lubskie A. V. Alternative models of historical research: conceptual interpretation (social-philosophical study). 09.00.01. Abstract of dissertation... of doctor of philosophical Sciences : Rostov-na-Donu, 2005., P. 42;
8. Nazarchuk A. V. Network society and its philosophical comprehension // Questions of philosophy, № 7, 2008. p. 61-75, P. 63;
9. Toffler A. Future Shock / Translation from English. M.: LLC «Publishing AST», 2002. P. 23;
10. Hardt M., Negri A. Empire / Translation from English, ed. G. V. Kamenskaya, M. S. Fetisov. - M.: Praxis, 2004. P. 24;
11. Chomsky N. The new military humanism: Lessons from Kosovo / Translation from English L. E. Pereyaslvtcev. - M.: Praxis, 2002. P. 272.f